

Глобализация

Термин «глобализация» во многом вытеснил упомянутые выше теории прогресса и модернизации. Как показал В.Л.Иноземцев, он уменьшил частоту употребления терминов «устойчивое развитие» и «постмодернизм». Количество книг, в заглавии которых используется слово «глобализация» стало лавинообразно увеличиваться в Библиотеке Конгресса с начала 90-х годов¹. Связано ли появление и этой концепции с российским контекстом, мы ответим позже.

Термин «глобализация» возник для характеристики транснационального функционирования экономики и информации, которые, резко нарастая в последнее десятилетие XX века, сделали прозрачными для финансово-информационных систем национально-государственные границы и обеспечили преимущество тем, кто вступил в технологически-информационную революцию. Так, по определению одного из специалистов, «глобализация — процесс лавинообразного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий»². Другая характеристика этого процесса: «Глобализация — это слияние национальных экономик в единую общемировую систему. Она основывается на возникшей в последнее десятилетие XX века легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала»³. Глобализация, таким образом, это — не то, желательность или нежелательность чего сегодня подлежит обсуждению. Она есть. Ее перспективы и угрозы, безусловно, важно исследовать. Но, прежде всего, необходимо сказать о ее сущности: глобализация означает победу капитала и информационной свободы над национальными интересами, в особенности незападных стран, создание транснациональных систем. Вестфальская система национальных государств, составлявшая основу мирового порядка в течение 350 лет, дала трещину. Филадельфийская система как более позднее «уточнение» Вестфальской системы после Филадельфийского конгресса в США, на котором были приняты основополагающие документы Америки, делавшие демократию не только американским, но и мировым институтом, также претерпевает изменения.

Проиллюстрируем ключевые факторы глобализации — информационный, экономический и технологический. Их можно назвать так же информационно-экономическим и информационно-технологическим.

Прежде всего, с изобретением компьютера и Интернета и введением их в экономику все операции невероятно ускорились и изменились качественно, а не только количественно. Возникла открытость технической информации. В Интернете можно найти технические и технологические инновации, ноу-хау. В перспективе патентные службы могут оказаться лишними, и технический шанс появляется у всех, кто способен им воспользоваться.

Кроме информационных аспектов, конечно, важнейшей характеристикой глобализации, того, что называют глобализацией — давайте так скажем, являются чрезвычайно низкие таможенные барьеры. (Примерно 60% до Второй мировой войны и 5 – 6% сейчас). Столь низкие тарифы облегчили перемещение товаров и капиталов. Но, кроме этого, произошла как бы потеря деньгами своего «патриотизма». Если всего несколько лет назад британской компании для того, чтобы начать разрабатывать нефть в Иране, надо было спрашивать разрешения своего правительства, то сегодня ей этого не надо делать. В начале 90-х турецкие бизнесмены нуждались в разрешении своего правительства на получения большого заказа из-за рубежа (например, произвести 3000 микропекарен по заказу российских бизнесменов для производства белого хлеба) или крупного бизнеса в другой стране. Теперь турки вытеснили нашу текстильную промышленность безо всякого участия как своего, так и российского правительства по причине более успешной конкурентности с нашей разоренной текстильной отраслью. Никто уже не сомневается в том, что если сталь в Череповце будет плавиться плохо, туда придут турецкие или китайские предприниматели. Транснациональный рынок существует, и его можно закрыть для какой-либо страны только авторитарным путем. Мы открылись, обнажились, показали свои слабости, но в то же время мы получили и шанс: нас открывал М.С.Горбачев, когда ликвидировал СЭВ, нас открывал Е.Т.Гайдар. Оказалось, однако, что мы совершенно слабы для того, чтобы войти в этот открытый мир. Но, тем не менее, у нас появился стимул в него войти.

Экономические изменения глобального масштаба характеризуются доминированием финансового рынка над товарным. Деньги стали делать деньги на законных основаниях, предос-

тавляемых финансово-правовыми установлениями. Но еще более важное значение, чем деньги, имеют технологии, которые, будучи сращенными с информацией, могут обеспечить производство новых товаров и услуг с меньшей, чем прежде, стоимостью и создать новые уникальные продукты мирового рынка. *Уникальность и дешевизна — два важнейших фактора вхождения в глобальную экономику*: «Рыночная сила производителя, а, следовательно, — и конкурентная эффективность используемых им технологий возрастают по мере движения от однородных «биржевых» через сложные товары — к уникальным товарам, к которым относится не только уникальное производственное оборудование, но и сложные потребительские товары, поддерживаемые технологиями воздействия на массовое сознание»⁴. Это последнее — *технологии воздействия на массовое сознание*, т.е. информационные технологии, реклама, PR виртуально обеспечивает победу товарам, конкурентные свойства, которых не выше, чем у других его нередко равноценных соперников. К объективным качествам товара присоединяются символы его признания, которые некоторые авторы описывают как «французский хлеб, итальянская мода, испанское вино», и пр. И тот, кто не только произвел нечто уникальное или особенное или это особенное в наиболее дешевом варианте, но и получил престижно-смысловое признание, становится победителем глобального рынка.

Поскольку экономический прогресс определяется инновациями, богатеют богатые страны. Те страны, в которых доход на душу населения 20 тыс. дол. в год и выше, являются участниками глобальной экономики и не столько из-за денег, а потому, что подобный уровень жизни сопряжен с высоким технологическим развитием.

Глобализация сузила национальные возможности влиять на экономику. Этот вызов поставил под вопрос возможности построения социального государства в развивающихся странах. Поэтому проблема вхождения в глобальный мир — это новый вариант вопроса о прогрессе, хотя у него есть качественное отличие, которое будет показано на примере России. Глобализация создает клуб стран-чемпионов. Это — клуб избранных стран. Кто из западных стран вошел в мир глобальной экономики? Приведем данные, которые имеются в литературе: десять стран — Бразилия, Индия, ЮАР, Турция, Польша, Южная Корея, Китай, Аргентина, Мексика, Индонезия (до 1998). России тут нет. Тут нет, скажем, и Саудовской Аравии с ее нефтью, потому

что здесь предъявляются несырьевые требования. Считается, что сырье, вооружение, товары первичной индустриальной переработки не могут характеризовать страну как участницу глобальной экономики, что подобное участие формируется высокотехнологичными и информационно емкими продуктами или продуктами, занимающими преобладающий объем на рынке или монопольно представленными на нем. Объем российской международной торговли невелик, и в ней преобладает сырье. Если Россия перестанет добывать нефть, в мировой экономике не многое изменится. Больше нефти произведут страны ОПЕК или Венесуэла. Япония не может войти в глобальный мир, т.к. она не может предоставить гражданство никому, кроме японцев. Ее культура слишком локальна. Ее национальный продукт не растет с 90-х годов. Но, вместе с тем, Япония входит в глобальную экономику. Россия, покончив с коммунизмом, вошла в глобальный мир, но не вошла в глобальную экономику. Как десять незападных стран сумели войти в глобальную экономику? Они смогли это сделать, т.к. стали производить тот или иной продукт, который оказался или самым лучшим, или самым дешевым из этого класса товаров для мирового рынка, а также был информационно представлен людям в качестве такового. Политическая критика Китая не помешала американцам открыть для него свой рынок: обувь, одежда, куртки на рынке США успешно конкурируют с американскими товарами и занимают там большой объем. Туристы удивляются, что купленная американская вещь при более пристальном рассмотрении оказывается китайской. Китайцы активно пользуются Интернетом и причисляются к одним из самых многочисленных его пользователей (хотя отмечается, что среди потребляемой информации большое место занимают порнофильмы, с которых делаются для продажи пиратские копии). Сто тысяч китайцев обучаются в США. Сегодня в Америке трудно найти американца-яппи — человека, героя 60-х, пребывающего в безудержной трудовой и карьерной гонке, но китайцы-яппи встречаются очень часто. Программисты Индии, текстильщики Турции сумели добиться признания на глобальном рынке. В Польше цена рабочей силы в 5–6 раз ниже, чем в Германии. Дешевая рабочая сила Польши, включенная в немецкие компании, производящие Фольксваген в Познани, глобализировала польскую экономику.

Если упомянутые выше незападные страны «прорвались» в глобальную экономику на уровне отдельных достижений, то постиндустриальные общества заняли в ней преобладающее ме-

сто. Хотя такие понятия, как постиндустриальное или информационное общество сегодня вытесняются термином глобализация, это происходит как раз потому, что глобализация имеет дело именно с ними. Еще в 1982 году Дж. Несбит определил десять новых мегатрендов, т.е. глобальных тенденций: переход от индустриального общества к информационному, от развитой техники к высоким технологиям, от национальной экономики к мировой, от краткосрочных задач к долговременным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к непосредственной, от иерархии к сетям, от Севера к Югу, от альтернативного выбора «или/или» к многообразию выбора. Это описание предугадало глобализацию, а вместе с этим присущие ей деинституционализацию, возможность анархии (самопомощь — ведущий принцип анархии по П.Н. Кропоткину), переход к сетевым структурам⁵. Последнюю тему развил М. Кастельс, раскрывший значимость не только информационно-экономической, но информационно-технологической революции и сетевого принципа⁶.

А как живут те, кто не вошел в глобальную экономико-информационную, финансово-правовую и информационно-технологическую систему? Именно три этих составляющих глобализации и их совместное действие обеспечили ее лавинообразное развертывание. Посмотрим, что несет глобализация периферии мира, близко к которой находится и Россия. Как показано в докладе ООН за 1999 год «Глобализация с человеческим лицом», контраст между развитыми и развивающимися странами усиливается, рост «четвертого мира» становится чрезвычайным, разрыв доходов между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами был 30:1 в 60-м году, 60:1 — в 90-м году, 74:1 — в 97-м году. 19% мирового населения имеют 71% глобальной торговли товаров и услуг. Из 82% мирового экспорта доля 5 беднейших стран составляет 1%. Из 74% мировых телефонных сетей эти страны имеют долю в 1,5 % и т.д.⁷.

Почему такой разрыв приписывается следствиям глобализации. Из того же доклада видно, что нарастание разрыва происходило и до начала 90-х, с которых начинается отсчет глобализации в указанном выше смысле. Во-первых, цифры свидетельствуют об ускорении разрыва богатых и бедных стран с началом глобализации. Во-вторых, у информационно, экономически и технологически развитых стран в ходе глобализации возникают

необычайные преимущества исходя из ее сущности, которую мы изложили выше. Глобализация часто сравнивается со спортом. Войти в глобальный мир — это похоже на то, чтобы войти в спортивный зал и попытаться стать чемпионом. Те, кто не может этого, кто слаб, кому противопоказан спорт, должны просто сойти с дороги, чтобы не быть сшибленными бегущими спортсменами.

Глобализация и модернизация

Нельзя согласиться с теми, кто считает, что глобализация — это продолжение модернизации. Дело обстоит как раз наоборот. Глобальная экономика — это клуб уже модернизированных. Прежде господствовала идея прогресса (эвфемизм развития по западному пути). В одном из своих конкретных воплощений она представляла как модернизация. Становление современного Запада создало, прежде всего, политические и культурные условия, которые закрепляли трудовую мотивацию, формировали автономного индивида с его ответственной свободой и государство, находящееся под контролем гражданского общества. Согласно наиболее распространенной в течение долгого времени концепции, незападные страны следуют догоняющей (Запад) модели, стремятся воспроизвести институциональные системы Запада. Теперь оказалось, что не все могут осуществить этот процесс, и Россия в 90-е не смогла завершить то, что начал Петр I. Увеличивается число стран четвертого мира. Осознав это, клуб избранных как бы решил зафиксировать статус-кво на приемлемых для себя условиях, оставив идею подталкивать к развитию менее удачливых, ощутив нехватку сил для подтягивания каждого общества к глобальному развитию в этом огромном мире. Этот клуб избранных уверен, что глобализация пойдет на его основаниях.

Сущность процесса догоняющей модернизации везде одна и та же; независимо от политического и социального строя: это организация масс для индустриализации. По словам Б.П.Вышеславцева, «такова мировая тенденция индустриальной цивилизации. Она одинаково проявляется в Европе, в Америке, в Азии, в демократиях и тоталитарных государствах, везде, где существуют массы, включенные в индустриальный аппарат»⁸. В какой форме осуществляется этот процесс — в форме политической демократии, свободы или в форме тоталитарной — зависит от уровня развития страны, начального старта, степени

осознания массами стоящих перед ними экономических задач, их готовности к усилиям в условиях гедонистической альтернативы в развитых странах или в условиях отсутствия таковой в бедных.

Многим кажется ныне, что самое активное применение модели догоняющей модернизации происходило в период деколонизации 60–70-х годов. В действительности же эта модель — наиболее распространенная, а в России, Восточной Европе, Мексике и Турции даже единственная. Не только между 1940 и 1965, как описывается в литературе, но также и теперь эта модель активно внедряется этими странами и регионами. Но догоняющая модель имеет пределы. Обозначим их.

Частым результатом догоняющей модернизации является потеря традиционной культуры без обретения новой, современной. Такие неудачи модернизационной стратегии особенно в 60–70-е годы в ходе активных усилий преобразовать страны, освобождающиеся от колониальной зависимости, вообще вывели термин «модернизация» из употребления, скомпрометировали его. Вместо него стали употреблять понятие «развитие». Однако в 90-е годы, явно декларируемые цели не просто развития, а модернизации России и Восточной Европы после крушения коммунизма, успешная модернизационная направленность турецкого опыта вновь вернули этот термин на страницы научной литературы, не устранив отмеченной опасности, особенно для посткоммунистических стран.

«Догоняющая модель» модернизации создает острова, анклавов современной жизни в отсталых странах. Это — Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро в Бразилии, большие города Мексики, Бомбей и несколько островов «зеленой» революции в Индии, Стамбул и ряд больших городов Турции, Москва и Санкт-Петербург в России, отличающиеся и образом жизни, и состоянием сознания от российской провинции. Эти анклавовы, несомненно, облегчают задачи модернизации, но, вместе с тем, они усиливают социальную несправедливость, делают неустойчивым социальный баланс. Модернизация догоняющего типа создает явное неравенство, обещая при этом равный шанс (чего не делало традиционное общество), и поскольку это шанс далеко не для многих, производит социальное недовольство, ситуацию неустойчивости, в течение долгого времени способствующую возможности России повернуть к коммунизму, Турции — к фундаментализму, в Мексике и повсюду в подобных странах к традиционализму — восстаниям крестьян, сопротивлению националистов. Вместе с

тем, анклавная догоняющая модернизация, ломая традицию, ставит общество перед отсутствием духовной перспективы. Мелкий бизнес становится обязательной нормой жизни общества, вовлекая в него огромные людские массы. Общество развивается, не имея духовной перспективы. Опасность коммунизма, подъем ислама во многом есть реакция на эту ситуацию, ситуацию отсутствия больших идей, национальных очертаний современной культуры.

«Догоняющая» стратегия предполагает, что Северная Америка и Западная Европа остаются неизменными, так сказать, дожидаясь отставших соседей. Однако сейчас мир радикально трансформируется. Многие развитые капиталистические страны ныне находятся в переходном процессе.

Глобализация как новый тип социальной трансформации как в плане институциональном, так и в ценностном отношении не позволяет модернизирующимся странам, в частности России, только перенимать и имитировать существующие структуры западного общества, которые сами начинают подвергаться изменению.

Развитие общества сопряжено с большими трудностями и жертвами. Поэтому данный процесс требует, как уже отмечалось, обоснования, легитимации. В XVII—XIX вв. источником легитимации модернизации были протестантская этика и научная рациональность. В классический период реальность представлялась подчиненной универсальным ценностям и нормам, составляющим основу европейской цивилизации. В настоящее время универсальные формы легитимации модернизации отсутствуют. Рационально-научная легитимация развития состояла в том, чтобы воспринять некоторые образцы развития в качестве норм, моделей развития. «Догнать» можно было только в том случае, если модель развития, его образец были известны. Опыт Японии и Юго-Восточной Азии в целом и провозглашенный в 90-е годы российский неомодернизм опровергают этот источник легитимации, признанный основным в модернизационных теориях. В Юго-Восточной Азии нет модели, развитие осуществляется всеми возможными способами, не разрушающими идентичность.

Что мы делали все последнее десятилетие? Мы догоняли Запад, хотя бы на словах. Все задавали вопрос: какую стадию Запада мы догоняем? Одни говорили: у нас стадия первоначального капиталистического накопления, и идет она прямо так,

как ее описывал французский историк Ф.Бродель, а значит — мы на правильном пути к капитализму. Другие утверждали: у нас начался процесс образование наций, мы идем той же, (а значит верной) дорогой, по какой шел Запад XIX века. Однако попытка имитировать, тем более предшествующие фазы развития Запада, не способна ввести страну в глобальную экономику. Если мы будем производить компьютеры, которые уже есть, только немного лучше или немножко похуже, — мало что изменится. Мы оказываемся изолированными и замкнутыми, как если бы нас замкнули авторитарным режимом. Другое дело, если мы выступаем с чем-то, чего нет на мировом рынке, например, с компьютером на живой молекуле. Не будучи профессионально уверенными в правильности конкретных предложений прорыва в глобальную экономику, мы позволили себе лишь пофантазировать для раскрытия иной, чем догоняющая модель модернизации, логики вхождения в нее. наших ученых, особенно биофизиков, охотно приглашают в Америку. Они занимаются там, например, производством генетически измененных растений: лечат орехи от плесени, которая смертельна для человека, участвовали в выведении «золотого риса» — генетически измененного риса, способного расти в несвойственном ему климате и не подверженному болезням. Очевидно, можно сделать и какую-то морозостойкую пшеницу. Европейцы спорят, они говорят, что это вредно, что такая практика чревата непредвиденными экологическими последствиями. Но Россия могла бы хотя бы исследовать эти последствия при наших научных возможностях, когда ученые работают за копейки, но работают хорошо. Может быть, мы могли бы стать лидером производства генетически измененного продукта, может быть, наоборот, страной, гарантирующей, что у нас такого продукта нет и не будет. Конечно, мы немного опоздали. В России наука потерпела поражение. Достаточно привести пример, что начальник отдела особо опасных инфекций в биологическом центре в г. Пушкино был вынужден переквалифицироваться в страхового агента, как будто у нас нет особо опасных инфекций. По мнению Президента Академии наук академика Ю. Осипова, Германия явилась образцом того, что разрушение науки имеет долговременные следствия: после фашизма эта страна поднялась во всем, кроме науки, потому что это требует слишком большой преемственности. Слабо верится, что даже в наукоемких областях мы сегодня можем чего-то добиться быстро. Глобализация оказалась проти-

воположной модернизации, ибо догонять и имитировать — значит обрекать себя на прогрессирующее отставание. Быть похожим на других сегодня не годится. Сегодня надо быть лучшим или уникальным.

Поэтому в настоящее время чрезвычайно обострена критика модернизации и, в особенности, догоняющей модернизации, уже давно обнаружившей свою ограниченность.

Проблема идентичности в условиях глобализации

Глобализация приводит к плюрализации идентичности. Под идентичностью понимают некоторую устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самоидентичность. Идентичность выступает как интегральный параметр и не сводится к социальным ролям. Соответственно, это позволяет говорить о глубоком внутреннем значении некоторых исходных уровней идентичности, связанных с традиционной культурой, национальной культурой, и, одновременно, об открытости к обретению новых свойств идентичности.

Глобализация является сильнейшим испытанием для национальной и культурной идентичности, основным средством преодоления которого выступают диалог и преемственность культур. Однако сегодня такой общий ответ перестает быть исчерпывающим, ибо сами диалог и преемственность культур затруднены в случае кризиса идентичности или ее быстрых изменений, а также усиливающегося фактора плюрального восприятия своей идентичности. Это относится как к индивиду, так и к конкретным обществам. Россия имеет большой опыт плюрализма идентичности, т.к. она всегда рассматривалась как мост между Востоком и Западом, страна, соединяющая в себе европейские и азиатские начала, сочетающая славянское единство с формированием суперэтноса славянских, тюркских, угрофинских и других народов. Способность России к плюралистическому определению своей идентичности часто была предметом критики, считающей подобный плюрализм следствием отсутствия идентичности. Даже Запад, признающий внутренний плюрализм и культивирующий его в качестве одного из элементов прав человека, в сравнении с Россией мог определить свою идентичность с большим монизмом, а потому, казалось, с большей определенностью. В России имеется сегодня